Том 2. Интерлюдия

Элмон не замедлил шага, приближаясь к коттеджу Ткача. [Ткач] - почетная профессия, и этот конкретный ткач был так же предан городу, как и он сам. Не стоило предаваться бессмысленным суевериям. Если он, Префит, будет нервничать, подходя к хижине, это станет плохим примером для всех остальных. Несмотря на то, что он всем говорил, ни один город не был полностью защищен от охоты [Ведьм]. Даже болото Хаммона.

Несмотря на то, что это был центр города, где все здания были двух- или трехэтажными, чтобы вместить постоянно растущее население болота Хаммона, маленький домик одиноко стоял на травянистой поляне. Высокие деревянные строения по обеим сторонам, казалось, почтительно склонились в сторону, как бы давая ему пространство. Домик стоял тихо и спокойно, словно не замечая окружающего его оживленного города. Его стены были не из добротного крепкого дерева, как в остальном городе. Вместо них - солома, сплетенная из прутьев.

Он не стал стучать в плетеную соломенную дверь. Вместо этого дверь просто отъехала в сторону, а ее отдельные волокна, извиваясь, вплелись в окружающую стену.

Он задержал дыхание, когда переступил порог. Бессмысленное суеверие, но привычки неистребимы.

[Ткач] сидела на деревянном стуле - настоящем деревянном стуле, а не плетеном чудовище. Она смотрела на свой ткацкий станок. Не настоящий, деревянный станок. Это тканое чудовище.

Тысячи нитей висели в воздухе, подвешенные с помощью умений [Ткача]. Они были беспорядочно спутаны в огромный, хаотичный клубок. Нити были разных размеров и цветов. Одни были толстыми, как канаты, другие - тонкими, как паучьи нити. Единственной частью, имевшей хоть какой-то смысл, было небольшое изображение дочери Ткачихи, расположенное в самом центре изделия. За его пределами не было никакого узора, только рывки и узлы.

Это был плохой знак. Когда он был здесь в последний раз, на нитях был изображен идеальный пейзажный портрет города, оставалось заполнить лишь несколько темных углов.

"Почему?" - спросил он. "Хогг вернулся с ужасными новостями, как ты и обещала. Но наконец-то у нас есть четкое представление о том, какая угроза нам грозит. Угроза, о которой ты предупреждала. Разве твоя схема не должна быть теперь более ясной?"

"Мы близки к катастрофе, как никогда", - сказала [Ткач]. Как обычно, ее лицо было лишено эмоций, глаза расфокусированы. "Пришел какой-то новый элемент. То, что я не могла предсказать".

"Ты про что?"

"Ты мне скажи!" - огрызнулась Ткачиха. "Произошло что-то еще? В городе появился кто-то новый?"

"Ребенок," сказал Элмонд. "Хогг принес с собой ребенка".

"И? Ребенок счастливый, невинный? Будет ли он нашим следующим [уборщиком улиц] или [сборщиком цветов]?"

"Он угрюмый, замкнутый мальчик. И зовут его Шрам Ошибочный", - признался Элмон.

Ткачиха" надолго оторвалась от своего плетения и нахмурилась.

"Этот ребенок помешал твоему будущему. Ты это хочешь сказать?"

"Избавься от него" - сказала она

"Я не могу. Хогг усыновил его. Я не думаю, что смогу избавиться от него, не потеряв при этом и Хогга".

"Тогда я буду строить свои собственные планы", - сказала она.

Ее руки начали пощипывать струны, перемещая и сдвигая плавающие нити с удивительной скоростью и точностью. Это не имело для него никакого смысла, но он чувствовал эту силу, как зуд под кожей.

Больше она с ним не разговаривала. Дверь за ним открылась. С облегчением он покинул коттедж.

http://tl.rulate.ru/book/93161/3173467